
С. А. ИСАЕВ

**О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ «ОФИЦИАЛЬНЫМИ» И «ЛИЧНЫМИ»
ДОКУМЕНТАМИ В СОСТАВЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ США НАЧАЛА XIX в.**

Источники по истории США эпохи «ранней республики»¹ настолько обширны и разнообразны, что историк, имея с ними дело, испытывает затруднение скорее от обилия, чем от недостатка сведений. К тому же публикуются они начиная с 1832–1861 гг. регулярно и все более качественно.²

Работая над биографией Джеймса Мэдисона (1750–1836) — основного автора Конституции США и 4-го президента страны (в 1809–1817 гг.), я пришел к убеждению, что при работе с документацией той эпохи необходимо, помимо обычных классификаций документов, иметь в виду еще одну, о которой до сих пор не говорил, насколько мне известно, никто из исследователей американской истории той поры.

* * *

29 декабря 1801 г. президент Томас Джефферсон писал государственному секретарю Джеймсу Мэдисону: «Не будучи уверен ни в том, что при должности личного секретаря президента США всегда будет постоянное и надежное хранилище официальных документов, ни в том,

¹ Early Republic — общепринятое в американской историографии обозначение периода от провозглашения независимости США в 1776 г. до начала Гражданской войны в 1861 г.

² Первая из капитальных публикаций — American State Papers. Documents, legislative and executive of the Congress of the U.S. 38 vols. Washington, 1832–1860 (далее — ASP) — содержала 6278 документов за 1789–1817 гг. В 1950 г. проф. Джулиан Бойд начал полную комментированную публикацию всех текстов Томаса Джефферсона, которая рассчитана на 60 томов и по уровню и качеству комментариев является эталонной для американской и мировой текстологии. Недавно вышел очередной объемистый том (The Papers of Thomas Jefferson / Edited by Barbara B. Oberg. Princeton, N. J., Princeton University Press, 2008. Vol. 34), где собраны документы всего лишь за три месяца: с 1 мая по 31 июля 1801 г.

что передаче их от одного секретаря и/или президента к другому всегда будет уделяться должное внимание — я намерен, с тех пор как я занял эту должность, отсылать каждую оказавшуюся в моих руках бумагу, за какую я могу по меньшей мере заподозрить официальное значение, на хранение в офис главы одного из департаментов, так чтобы я никогда не прибавлял ни единой бумаги к тем, что ныне составляют президентскую документацию; если же что-нибудь со мной случится, то среди моих бумаг не должно оказаться ни единой такой, какой следовало бы находиться в другом офисе. Я разбираю их регулярно, оставляя у себя только мои личные (*private*) бумаги <...> или же такие, что, имея отношение к делам моей должности, все же являются моими конфиденциальными».³

Как видим, общепринятое и общепонятное разделение документов, накапливающихся у любого политика, на бумаги, имеющие отношение к политике и имеющие отношение только к его личным, семейным делам, Джефферсон усложняет, вводя третью категорию документов: имеющих отношение к политике, однако не подлежащих такому архивированию, какому подвергается чисто ведомственная документация. Документы, принадлежащие к этой категории, президент намерен был оставить в своем личном распоряжении, даже после ухода в отставку.

Почему ни тогда, ни позже не был создан единый ведомственный, общий для всех президентов США архив, можно лишь предполагать. Штаты США, в подавляющем большинстве, были правопреемниками колоний, существовавших задолго до 1776 г.: заново образованы были только Вермонт, Кентукки и Теннесси. На федеральном же уровне министерства (департаменты) создавались с 1789 г., однако раньше (с 1776 г.) существовали секретариаты при Континентальном Конгрессе, а при них — ведомственные архивы, которые после принятия Конституции 1787 г. продолжали сбор документации. Лишь должность президента США не имела прямых предшественников. Не было архива, который *продолжил* бы собирать документацию *главы* федеральной исполнительной власти. А инициативы в создании такого архива заново президенты США не проявили.

Американцы той поры, упоминая служебную (не частную) переписку должностных лиц, характеризовали ее либо как *официальную* (*part of the Public Records*), либо как *личную* (*private*), она же тайная. Официальная переписка регистрировалась в делопроизводстве, сохранялась в архиве учреждения и оставалась там при смене руководителя. Личная переписка официально не фиксировалась, и если сохранялась, то только в личном архиве адресата. Если Конгресс принимал решение о публикации дипломатической переписки, на личные послания это решение не распространялось. Официальная переписка не должна была содержать

³ The Republic of Letters: The Correspondence between Thomas Jefferson and James Madison. 1776–1826 / Ed. J. M. Smith. New York, 1995 (далее — RL). P. 1211–1212.

ссылку на личную: когда государственный секретарь Мэдисон в черновике инструкций членам делегации, направленной во Францию для переговоров о покупке Нового Орлеана, — Джеймсу Монро и Роберту Р. Ливингстону, датированных 2 марта 1803 г., упомянул личное письмо Джефферсона Дюпону де Немуру, Джефферсон указал, что это упоминание следует убрать.⁴

Разница в статусе документов, составляющих официальную (public) и личную (private) переписку, хорошо иллюстрируется письмом Мэдисона посланнику во Франции Роберту Р. Ливингстону от 7 февраля 1804 г.: «Дорогой сэръ, официальные письма, которые вы получите с этой почтой, подтвердят получение всех писем, пришедших от Вас со времени моего предыдущего письма, за исключением Вашей переписки с м-ром Монро. Подтвердить получение этой последней я счел уместным в данном частном письме, поскольку я не разместил ее в делах офиса. Вы предоставили мне возможность считать письма, коими Вы оба обменялись, частными, и я все еще не усмотрел пользы в том, чтобы обращаться с ними как с официальными. Однако если при дальнейшем размышлении мне это представится уместным, их можно будет в любое время передать в офис; тогда как, если их там разместить сейчас, а дальнейшие размышления будут против такого их употребления, то исправить дело будет нельзя. Очень желательно — по разным причинам — чтобы проявления эмоциональности с той и с другой стороны (mutual sensibilities), выдающие себя в переписке, становились достоянием публики лишь в такой мере, в какой это неизбежно, и чтобы, таким образом, никакие непреодолимые препятствия не мешали бы предать случаи несогласия забвению, каковое было бы только желательно, ввиду Вашего взаимного уважения и великодушия».⁵

Личные письма ведущих американских политиков той поры, естественно, откровеннее официальных (даже внешне, т. е. и стилистически яснее), они не только дополняют, но и корректируют то, что можно почерпнуть из последних. Для иллюстрации возьмем случай крайний. 10 августа 1812 г. Джефферсон направил Мэдисону письмо с рекомендацией своего знакомого — виргинца Дэвида Хиггинботама на должность консула в Лиссабоне. О соискателе Джефферсон писал, что он очень честен, трудолюбив, безукоризненного поведения и не в долгах; «я уверен, что он исполнял бы обязанности по этой должности со всем старанием и рвением». Но в тот же конверт было вложено другое письмо от того же числа. «Письмо, в которое вложено это, содержит правду — до единого слова. Но в то время как просьбы друга заставили меня ходатайствовать за него, долг перед Вами и публикой обязывает меня сказать, что оно содержит не полную правду. Надо добавить лишь одно обстоятельство: у этого кандидата <...> ни образование, ни разумение

⁴ Джефферсон — Мэдисону 22.02.03 // RL. P.1262.

⁵ Letters and other Writings of James Madison. Philadelphia, 1865. Vol. 1–4. Vol. 2. P. 193–194.

не соответствуют обязанностям этой должности. Он до такой степени недалек и не образован, что сам нисколько этого не чувствует <...> Мое внешнее письмо будет направлено в Ваши папки; это же я написал отдельно, чтобы оно туда не отправилось, а осталось среди Ваших личных бумаг».⁶ Но ведь если бы историк располагал только первым письмом, он имел бы все основания утверждать, что Джефферсон рекомендовал Хиггинботаму на должность и что Мэдисон рекомендацией Джефферсона пренебрег. Но ни то, ни другое исторической истине не соответствует! А сколько могло быть случаев, когда такие «корректировки» делались устно, без какой бы то ни было письменной фиксации?! Ведь Джефферсон, оставивший громадное документальное наследие, по натуре ни в малой мере не был бюрократом. «Краткая личная беседа делает ненужным длинное письмо»,⁷ — заметил он однажды мимоходом. «Знание дел достигается по большей части не через бумаги, а через устное общение в нашем кругу» (т. е. членов правительства), — признавался в письме поэту и дипломату Джоэлю Барлоу 3 мая 1802 г.⁸

При следующем президенте — Джеймсе Мэдисоне — положение принципиально не изменилось. В этом отношении очень примечательна переписка государственного секретаря Джеймса Мэдисона со своим подчиненным — посланником в Великобритании Уильямом Пинкни (Pinkney William, 1764–1822). Пинкни — выходец из богатой и консервативной мэрилендской семьи, консервативной настолько, что во время Войны за независимость отец его был даже поражен в правах как лоялист. Принадлежа к федералистской партии, Пинкни после заключения англо-американского «договора Джея» (1794) долгое время работал в комиссии по урегулированию взаимных претензий двух стран. После смены власти в 1801 г. Пинкни согласился сотрудничать с республиканской администрацией Джефферсона–Мэдисона и с 1807 по 1811 г. представлял США в Лондоне.⁹ Этот выдающийся юрист и дипломат направлял в Вашингтон обстоятельные аналитические записки, которые особенно ценил Джеймс Мэдисон — государственный секретарь в администрации Джефферсона, ставший в марте 1809 г. президентом. В кризисном 1808 г., когда США, дабы избежать конфликтов с Великобританией и Францией, ввели мучительное для них и очевидно недолговечное эмбарго на всякую внешнюю торговлю, почти к каждому официальному посланию Мэдисона Пинкни и Пинкни Мэдисону прилагалось личное.

⁶ RL. P.1701.

⁷ «A short conference saves a long letter». Джефферсон — Мэдисону, 1 сентября 1807 г. // RL. P.1494.

⁸ The Papers of Thomas Jefferson / Ed. J. Boyd. Princeton, 1950. Vol. 1. P. VII.

⁹ В 1811–1814 гг. У. Пинкни — генеральный атторней (прокурор) США. В период краткого британского вторжения в столичный регион в августе 1814 г. служил в мэрилендской милиции (ополчении), был ранен в сражении у Блейденсберга (мэрилендский пригород Вашингтона). 7 марта 1816 г. президент Мэдисон назначил его посланником в России, и с января 1817 г. по февраль 1818 г. Пинкни находился в Санкт-Петербурге.

Например, 29 июня 1808 г. Пинкни писал Мэдисону в официальной депеше: «Сегодня утром у меня была долгая беседа с м-ром Каннингом, которая позволяет мне надеяться, что то, о чем упоминалось в Вашем письме от 30 апреля <...> может быть достигнуто, если я выскажу от своего имени то предложение, что сделано в указанном письме. Однако должно пройти еще несколько дней, прежде чем я смогу сказать Вам нечто мало-мальски определенное об этом предмете».¹⁰ А в личном письме от того же числа Пинкни, излагая беседу, сообщает, как именно поставил он перед Каннингом вопрос. Он заявил британскому министру, что США — вполне вероятно — примут по проблемам своей внешней торговли «рамочное» решение: что если одна из стран-соперниц прекратит свои действия, ущемляющие торговлю США, а другая такие действия будет продолжать, то США со своей стороны введут самый либеральный из всех возможных режимов торговли с более уступчивой стороной и ужесточат этот режим для другой. Как британское правительство отнеслось бы к такому закону? — Каннинг выслушал с благосклонным видом, но определенного ответа не дал.¹¹ Поясним, что 22 апреля 1808 г. в США был принят закон, дававший президенту право по своему усмотрению смягчать режим эмбарго.¹² В упомянутом письме от 30 апреля Мэдисон сообщал посланнику об этом и предписывал заявить английскому правительству именно то, что Пинкни в самом деле и заявил. В конечном же счете инициатива Мэдисона–Пинкни оказалась безрезультатной: Каннинг ни тогда, ни позже не обещал отмены британских «Приказов в Совете»; англичане по разным каналам получали из США информацию о все растущей внутренней оппозиции джефферсоновскому эмбарго, позволявшую с полным на то основанием надеяться, что от этой меры американцы откажутся сами; и 23 сентября 1808 г. Каннинг заявил, что «Приказы в Совете» останутся в силе, независимо от того, что американцы решат относительно своего эмбарго.

Время для решения настало несколькими месяцами позже. И тогда разница в ясности между официальными и личными посланиями Мэдисона Уильяму Пинкни стала еще больше. Официальное послание от 3 января 1809 г. кратко, невнятно, даже риторично: «Сколь ни желательно для Соединенных Штатов было бы сохранение мира, положение, в котором они оказались, делает готовность к войне их очевидным и бесспорным долгом»,¹³ и т. п. Личное же письмо (от того же числа) содержало информацию настолько конфиденциальную, что отдельные его части были зашифрованы (при цитировании здесь они выделены

¹⁰ ASP, Foreign Relations. Vol. 3. P. 223–224.

¹¹ Perkins B. Prologue to War: England and the United States, 1805–1812. Berkeley, 1963. P. 175.

¹² The Statutes at Large of the United States of America. Vol. 1–4. Boston, 1853–1857. Vol. 2. P. 490.

¹³ The Writings of James Madison. Vol. 1–9 / Ed. G. Hunt. New York, 1900–1910 (далее — Hunt). Vol. 8. P. 41.

жирным курсивом): «Атлантическое побережье становится настолько нетерпеливым к лишениям (обусловленным последствиями эмбарго. — *С. И.*), что становится необходимым, ради спасения Союза, не слишком тому (отмене эмбарго. — *С. И.*) противиться. Та партия в Массачусетсе, что называется Эссекской, находится под сильнейшим *подозрением в заговоре с целью отделения* <...> Такова *ненависть* этой клики к администрации и такова ее *преданность Англии*, что она вынашивает самые *отчаянные планы*. По-видимому, существует взаимопонимание между ее *вождями и британским правительством*».¹⁴

Очередная инструкция, которую Мэдисон направил Уильяму Пинкни в Лондон 10 февраля 1809 г., начинается обращением «Сэр». Мэдисон сообщает о предстоящей (с 1 марта) отмене эмбарго и высказывает (вполне тривиальное) предположение, что возобновляемая американская торговля наверняка вновь — как это и было в 1807 г. — будет страдать от репрессивных мер: британских «Приказов в Совете» и французских эдиктов о континентальной блокаде. «В случае если „Приказы“ будут отменены, а французские эдикты останутся в силе, вся вражда, питаемая Соединенными Штатами, обратится против Франции»,¹⁵ причем США готовы защищать свои законные права торгующей нейтральной державы даже и силою оружия. Во всяком случае, исполнительная власть настроена таким образом, и Пинкни должен позаботиться о том, чтобы британский кабинет осознал факт серьезности такого настроения американского правительства: Мэдисон предполагает, что этого может оказаться даже и достаточно, чтобы британское правительство отменило «Приказы в Совете».¹⁶ К этой официальной инструкции было приложено личное письмо, датированное следующим днем — 11 февраля. После обращения — «Дорогой сэр!» — Мэдисон с сожалением констатирует, что содержание законодательных мер, регулирующих внешнюю торговлю, зависит от Конгресса, а в его палатах разброс мнений по проблемам внешней политики велик, да к тому же мнения эти до крайности переменчивы. Если Акт о невмешательстве (Non-Intercourse Act) будет принят, то это будет означать, что американское правительство разрешает своим гражданам торговать со всей Европой, кроме Франции и Англии. На союзные с Францией и зависимые от Франции государства американский запрет не распространяется, и Пинкни должен добиваться, чтобы Британия не чинила препятствий американской торговле с Россией и Данией.¹⁷

Был, правда, краткий период в президентство Мэдисона, когда разница между официальной и личной перепиской соблюдалась не по всей строгости. В личном письме от 25 апреля 1808 г. Пинкни разрешил Мэ-

¹⁴ *Ketcham R.* James Madison: Biography. New York, 1971. P. 465. Письмо это хранится среди бумаг У. Пинкни в библиотеке Принстонского университета.

¹⁵ Hunt. Vol. 8. P. 44.

¹⁶ Ibid. P. 42–47.

¹⁷ Letters and other Writings of James Madison. Vol. 2. P. 429–430.

дисону, если он сочтет, что огласка каких-либо сведений из личных его посланий может принести пользу администрации, публиковать их или предоставлять Конгрессу.¹⁸ Этим разрешением Мэдисон несколько раз воспользовался в ходе президентской избирательной кампании 1808 г., а в ноябре полностью опубликовал личное письмо У. Пинкни от 23 сентября 1808 г., содержащее важные внешнеполитические тезисы.

Став президентом, Мэдисон, однако, вскоре понял, что с подобной практикой надо кончать, иначе должностные лица иностранных держав побоятся доверять американцам что бы то ни было.¹⁹ Удалось ему это не сразу: конгрессмены, однажды приобщившись к дипломатическим тайнам, вошли во вкус. 22 января 1810 г. Мэдисон писал Пинкни: «Вы, без сомнения, будете удивлены, обнаружив среди направленного Конгрессу и напечатанного — конфиденциальные беседы с Каннингом, которые Вы запретили оглашать.²⁰ Было практически невозможно отказать в этом, не обидев одних и не дав другим повод для инсинуаций <...> В беседах нет, кажется, ничего, что заставило бы британцев сожалеть об их огласке или осложнило бы отношения между Вами и британским министерством».²¹ Но вот вскоре после этого сенаторы потребовали, чтобы Мэдисон предоставил им всю переписку с Пинкни — официальную и личную, и Мэдисон заявил тогда в ответ, что предоставил все, кроме письма Пинкни Мэдисону от 4 января 1810 г. — личного и деликатного. Федералистские публицисты тогда же предположили, что Мэдисон на самом деле представил далеко не все, но что письма именно с указанной датой, видимо, вовсе не существовало;²² и действительно, во II томе президентской серии «Бумаг» Мэдисона (где, в соответствии с хронологическим принципом, оно должно было быть напечатано) его нет и оно не значится даже в числе неразысканных. Получается, что Мэдисон направлял любопытных по ложному следу. Позже Пинкни благодарил его за восстановление «доверительности».²³

Жаловаться на Конгресс своему посланнику в Великобритании, предупредить его о возможных последствиях действий конгрессменов президент, с одной стороны, был должен, но с другой — мог только в таком документе, относительно которого был уверен, что на глаза конгрессменам он в обозримом будущем не попадет. Отсюда и необходимость отделения личной переписки от официальной: демократический строй предполагал такую степень открытости, которая с традиционной дипломатией была еле-еле совместима. Доверительные отноше-

¹⁸ *Pinkney W. Life of William Pinkney. New York, 1853. P. 195–196.*

¹⁹ Мэдисон — У. Пинкни 17 марта 1809 г. // *The Papers of James Madison. Presidential Series / Ed. R. A. Rutland. Charlottesville, 1984. Vol. 1. P. 56–57.*

²⁰ А Мэдисон направил палате представителей 16 декабря 1809 г.

²¹ *The Papers of James Madison. Presidential Series. Charlottesville; London, 1992. Vol. 2. P. 196.*

²² *Brant Irving. James Madison: The President. 1809–1812. Indianapolis; New York, 1956. P. 133–134.*

²³ *Pinkney W. Life of William Pinkney. P. 444.*

ния между двумя политиками — как в случае Мэдисона и Пинкни — позволили им обоим это разделение соблюсти.

Если же доверительных отношений не было, то сколько-нибудь откровенная личная переписка, по ходу дела корректирующая официальную, была невозможна. Тогда американской администрации приходилось выходить из затруднительных положений куда менее достойными способами. Примером может служить «дело Мэтьюза». В середине марта 1812 г. около 200 вооруженных американцев проникли на северо-восточное побережье Восточной Флориды. Испанскую колонию обороняли 408 солдат, в основном инвалидные команды. Руководил американцами генерал милиции Джорджии, бывший губернатор этого штата Джордж Мэтьюз. В январе 1811 г. Мэтьюз получил от американского правительства официальное поручение: вступить в переговоры с испанским губернатором этой территории Висенте Фольчем о возможной передаче Восточной Флориды США. Наверняка ему были даны и какие-то поручения, письменно не зафиксированные. 17 марта 1812 г. американцы захватили о. Амелия (тот, на котором ныне расположен г. Фернандина-Бич), а на другой день подошли к форту Св. Августина (Сент-Огастин) и потребовали капитуляции. Испанцы отказались, рассчитывая на помощь с Кубы. Мэтьюз послал за подмогой в Вашингтон своих людей, которые в конце марта и привезли в столицу информацию об этих событиях. Однако после «дела Генри»²⁴ Мэдисон, Монро и воен-

²⁴ В середине января 1812 г. в Вашингтоне появился француз, назвавшийся графом Эдуардом де Крийоном. О себе он сообщал, что впал в немилость у Наполеона из-за великосветской шалости и вынужден был покинуть Францию. В пути, на корабле, он познакомился с молодым ирландцем капитаном Джоном Генри, который был агентом Джеймса Крейга, в 1807—1811 гг. генерал-губернатора Нижней Канады, и в 1809 г. по его заданию ездил в Бостон собирать сведения о положении в Новой Англии. Генри рассчитывал на 32 тыс. ф. ст. наградных, но Крейг умер, а его преемник не счел его донесения столь ценными. Крийон посоветовал Генри продать документы правительству США. Сама идея Генри понравилась, но после такой сделки у него возникли бы проблемы в отношениях с британскими властями. Крийон предложил Генри такую комбинацию: он переписывает на имя Генри поместье с замком Сан-Мартиал у испанской границы, сам следует в Вашингтон, продает письма Генри правительству за 50 тыс. долл. и оставляет эти деньги у себя. Договорившись, партнеры в Бостоне представились губернатору Э. Герри, и с его рекомендательным письмом (Герри — Мэдисону 2 января 1812 г. // *Papers of James Madison, Library of Congress, Manuscript Department. Reel 26*) и документами Генри Крийон проследовал в Вашингтон. Заручившись еще и рекомендацией посланника Луи Серюрье, Крийон посетил Госдепартамент, а 30 января был принят и в Белом Доме. Ознакомившись с письмами, Монро и Мэдисон пожелали видеть и самого Генри. Генри приехал в столицу всего на одну ночь, и после беседы с ним 10 февраля 1812 г. Монро вручил Крийону 48 тыс. долл. из фонда, который Конгресс предоставил в распоряжение президента «для непредвиденных нужд» (*Carr A. Z. The Coming of War: An Account of the Remarkable Events Leading to the War of 1812. Garden City; New York, 1960. P. 310—311*). После того как Генри выехал в Европу с документом на право владения Сен-Мартиалом, Мэдисон 9 марта направил его письма в Конгресс, объявив их свидетельством об англо-федералистском заговоре с целью отделения Новой Англии от США. Несколько дней спустя Крийон тоже отбыл из США, будто бы во Францию.

ный министр Уильям Юстис не могли поддержать Мэтьюза, который делал как раз то, в чем американское правительство обвиняло Англию.²⁵ 4 апреля 1812 г. Монро официально дезавуировал действия Мэтьюза и аннулировал его полномочия.²⁶ Мэдисон писал Джефферсону 24 апреля 1812 г.: «В Восточной Флориде Мэтьюз разыграл форменную трагикомедию, по сравнению как с данными ему инструкциями, так и с тем, чего требовал здравый смысл. Его экстравагантности поставили нас перед необходимостью сделать очень трудный выбор».²⁷ Мэтьюз был взбешен, грозился приехать в Вашингтон и рассказать, как было дело, но весьма кстати для администрации скончался 30 августа «от разлития желчи».²⁸

На предположение, что в январе 1811 г. Мэтьюз получил от американского правительства какие-то поручения, письменно не зафиксированные, наводит весьма странный официальный документ. В *American State Papers (Foreign Relations. Vol. 3. P. 571—572)* можно прочесть инструкцию государственного секретаря США Джорджу Мэтьюзу от 26 января 1811 г. Но — странное дело! — под этим текстом стоит подпись Монро, который в январе 1811 г. еще не был государственным секретарем: президент назначил его 2 апреля, и 6-го Монро приступил к исполнению обязанностей, хотя утвержден Сенатом в должности был лишь 26 ноября того же года. К тому же фамилия Фольча в документе написана *Folk* (вместо *Folch*), а Роберт Смит, государственный секретарь США в 1809—1811 гг., так много имел дела с Фольчем, что подобная ошибка для него абсолютно исключена. Увольнение Роберта Смита из Государственного департамента в марте 1811 г. было результатом его конфликта с администрацией, и рассчитывать на то, что нужную бумагу напишет и подпишет он сам, не приходилось. Бумага же, очевидно, была изготовлена администрацией США задним числом специально для архива: если бы Конгресс задумал расследовать флоридскую исто-

Письма Крейга не содержали ничего сенсационного: Крейг хотел выяснить, действительно ли США намеревались захватить Канаду и готова ли Новая Англия к сепаратистскому выступлению. Тексты, написанные рукой Джона Генри, были измененными копиями подлинных донесений (*Cruikshank E. A. The Political Adventures of John Henry: The Record of an International Imbroglia. Toronto, 1936. P. 87—88*). Они не содержали ни имен участников сепаратистского заговора, ни ясного описания их замыслов. И хотя желаемое для администрации впечатление документы произвели, продержалось оно всего неделю. Федералисты указывали на множество неувязок и несообразностей в документах. Сенат потребовал, чтобы администрация либо назвала имена лиц, обвиняемых администрацией в измене, либо отказалась от обвинений. Джоэль Барлоу смог установить, что ни один член семейства Крийонов в Америку не ездил, замок Сен-Мартиал не существовал, так что партнер Джона Генри был самозванцем. Получился сплошной конфуз и напрасная трата денег (*Morison S. E. The Henry-Crillon Affair of 1812 // Massachusetts Historical Society Proceedings 69. 1959. P. 227—228*).

²⁵ *Stagg J. Mr. Madison's War. Princeton, 1993. P. 98—99.*

²⁶ *ASP, Foreign Relations. Vol. 3. P. 572.*

²⁷ *RL. P. 1694.*

²⁸ *Dictionary of American Biography. Vol. 1—20. London: New York, 1944. Vol. 12. P. 403.*

рию, она наверняка оказалась бы в числе публикуемых в конгрессовском досье. Можно довольно уверенно предположить, что эта маленькая, но грубая фальсификация учинена была в апреле 1812 г. В данном случае исполнители оказались не на высоте требований этого своеобразного искусства, и если бы дело дошло до расследования, их несомненно уличили бы. Однако до расследования дело не дошло: приближалась война с Великобританией, у конгрессменов были заботы поважнее.

Как видим, отсутствие личной переписки, какая велась бы параллельно официальной, негативно влияло на качество этой последней: исследуя подобные ситуации, историк вынужден иметь дело не только с умолчаниями, но и с фальшивками официального происхождения. Тем важнее описанное различие.

SUMMARY

An article does not deal with personal documents of top officials of the United States, but with distinction between two classes of political documents created by them: public documents, or «part of the Public Records», and private ones. Private documents were sharply distinguished from public ones during presidencies of Thomas Jefferson, 1801–1809, and of James Madison, 1809–1817. Private documents, notwithstanding their political content, were not calendared in archives of any department, and retained by President when retired. No references to private documents were permissible in public ones. Key events covered by documents so discriminated are Louisiana Purchase, 1803, and Pinkney — Canning negotiations in London, 1808. Matthews affaire in Florida, 1812, is considered as an example of mingling. An author supposes that the class of private documents was necessary to bridge the gap between secrecy requirements of traditional diplomacy of Europe, and democratic supervision of foreign affairs in the USA.